

С.В. РЫЖОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОПОРЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (Silica2@yandex.ru).

Аннотация. На основе данных всероссийского социологического опроса, проведенного в феврале – марте 2024 г., изучаются ценностные основы российской идентичности, приобретающие вес в условиях внешнеполитического давления. Концептуальной рамкой исследования выступили теоретические подходы к изучению идентичности, ценностей и процессов становления политической нации. Исследование показало, что российская идентичность приобретает черты макрополитической территориально-государственной идентичности. Иерархия ее ведущих ценностных опор включает в себя как консервативные, так и классические либеральные ценности: «вера в Россию» (42%), «общие моральные ценности» (38%), «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» (33%). Делается вывод, что ценность «вера в Россию» благодаря ее широкому идейному формату и политической неопределенности становится идейным источником общенациональной консолидации.

Ключевые слова: российская идентичность • макрополитическая идентичность • ценности • политическая нация • общенациональная консолидация

DOI: 10.31857/S0132162524090053

Введение. В ситуации глобальной международной напряженности и антироссийских санкций, столкновения ценностей и «отмены» рядом западных стран российской культуры трудно переоценить социальные функции российской идентичности в поддержании политического, гражданского, межэтнического консенсуса внутри РФ. Начало специальной военной операции (СВО) на Украине запустило бурные, сложные, полные внутренней «борьбы нарративов» процессы коллективной российской самоидентификации, поиск и обновление ее ценностных основ и смыслов.

Ключевую роль в этих процессах приобретает общероссийская¹ идентичность. Исследования ученых (М.К. Горшков, Л.М. Дробижина, С.П. Перегудов, О.Ю. Малинова, Э.А. Паин, В.И. Пантин, И.С. Семенов, В.А. Тишков и др.), показывают, что российская идентичность может проявлять себя и изучаться в различных качествах или модусах. Как *государственная* она воплощает связь людей с российским государством, его историей, символами. Как *гражданская* раскрывает потенциал горизонтальных связей, складывающихся относительно независимо от государства. Как *территориальная* воплощает связь с территорией, землей, и, следуя ассоциативному ряду, с природой, с предками. Как *цивилизационная* – соотнесение с российской цивилизационной общностью. Как *духовная* – желание и готовность разделять этос общероссийской общности. В данной статье мы будем рассматривать российскую идентичность в ее макрополитическом модусе, исследовать ее ценностные опоры, приобретающие вес в условиях внешнего давления. Вопрос о макрополитическом самоопределении в координатах единой политической нации важен как для мировоззренческой самоидентификации в отношении государственной,

¹ Понятия «российская идентичность» и «общероссийская идентичность» используются в статье как синонимы.

территориальной принадлежности, политического выбора, исторической памяти и культуры, так и для видения будущего страны. Как справедливо отмечают интеллектуалы, «если не участвовать в создании нации, не навязать собственный ее проект, будет реализован чужой» [Каспэ, 2006].

В условиях открытого внешнеполитического и военного противостояния российская макрополитическая идентичность охватывает «все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе», подразумевает усвоение правил и ценностей «коллективно осмысленных в рамках групп через солидарность поверх политических и идеологических границ» [Малинова, 2010: 90], представляет собой результат идентификации с Россией и ее гражданами в масштабах общенациональной консолидации.

Задача статьи – раскрыть динамику структурных компонентов и уровень российской идентичности в период 2018–2024 гг., выявить, на основе каких ценностных ориентиров она формируется в своем макрополитическом качестве, сопровождая процессы становления политической нации.

Методика и эмпирическая база исследования. Для изучения уровня российской (и других макроидентичностей) Центром исследования межнациональных отношений (ЦИМО) ИС ФНИСЦ РАН традиционно используется вопрос о том, насколько часто респондент испытывает общность, близость с *гражданами России, россиянами*². Наравне с *российской* идентичностью мы оцениваем уровень *этнической* идентичности, поскольку последняя активно вовлекается в процессы российского нациестроительства, а также уровень политической идентичности (по той же методике).

Вопрос о том, «что нужно россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией», создавался нами специально для изучения ценностных опор российской макрополитической идентичности. Мы руководствовались логикой «социологической диагностики» (М.К. Горшков), цель которой не только фиксировать актуальные процессы и явления, но и иметь возможность взглянуть на них несколько глубже.

При формулировании вопроса мы опирались на синтезированную методологию на основе теорий социальной идентичности, социального единства (социальной интеграции), политической нации и концептуальных подходов к исследованию ценностей. Поскольку политическая нация – это форма социального единства (Э. Хобсбаум, Б. Як), ценностные основания российской макрополитической идентичности (которые, в свою очередь, представляют собой синтез ее когнитивных и эмоциональных компонентов) призваны поддерживать это единство, мотивировать присоединяться к нему на основе разделяемых идей, чувств, представлений. В перечень предлагаемых ответов мы заложили четыре смысловых блока, представляющих собой «разнонаправленные» ценностные ориентиры, чтобы оценить наиболее ресурсные из них. При формулировании ответов нами учитывались идеи, звучащие в медиасфере в период СВО и нарастания геополитической напряженности: 1) государственно-гражданские основания интеграции («сильный и авторитетный лидер государства», «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода», «обновление государственно-политического устройства»); 2) основания дополитической интеграции («общие моральные ценности», «взаимопомощь, доверие, солидарность»); 3) видение общего будущего как основа интеграции («понимание, какое будущее у России», «вера в Россию», «новые объединяющие идеи и смыслы»); 4) представление о военных победах как основание интеграции («героический дух и военная мощь»).

² Вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х гг. для исследования макроидентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

Эмпирической базой исследования служат данные всероссийского социологического опроса, осуществленного ИС ФНИСЦ РАН в феврале – марте 2024 г. методом индивидуального интервью в 22 субъектах РФ по районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое население РФ по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Для сравнения привлекаются данные мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН 2018 и 2020 гг., которые проводились методом индивидуального интервью по всероссийской репрезентативной квотной районированной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей население РФ от 18 лет по полу и возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Единый принцип формирования выборки проведенных исследований обеспечивает сопоставимость данных. Во всех исследованиях для изучения структурных компонентов российской идентичности и уровня российской, этнической и политической идентичностей использовался одинаковый блок вопросов.

Теоретическая рамка и концептуальные подходы. Теоретическая рамка исследования задается кругом идей, трактующих самоидентификацию общества на основе понятия политической нации – политической солидарности и разделяемых идей относительно общенациональных интересов и целей. Концепции политической нации рассматривают последнюю как государственную общность, опирающуюся на суверенитет государства и народа, на единство территории [Хобсбаум, 2017; Тишков, 2008], формируемую поверх внутренних классовых, статусных, этнических, культурных границ [Гринфельд, 2008], поверх внутренних политических разногласий [Малинова, 2010], опирающуюся на общность культуры и гражданство [Тишков, 2008], на гражданское общество [Паин, Федюнин, 2017]. Суть политического понимания нации сформулировал Э. Хобсбаум: «совокупность граждан, чей коллективный суверенитет образует государство, представляющее собой реализацию их политической воли» [Хобсбаум, 2017: 32–33].

О. Малинова, предприняв анализ ценностных оснований постсоветской идентичности, отмечает, что в турбулентные 1990-е гг. векторы постсоветской политики идентичности были неустойчивы и неоднократно менялись. Но с началом 2000-х гг. обозначился тренд видения России как самостоятельного суверенного государства. В официальном дискурсе «именно государство... стало представляться в качестве ценностного стержня, скрепляющего макрополитическую идентичность» россиян [Малинова, 2015: 180].

Российская идентичность в своем социальном измерении подразумевает постоянно текущие (в фоновом режиме) процессы идентификации с Россией, становление, усвоение и переосмысление ценностных оснований общероссийского единства. При интерпретации данных исследования и анализе российской идентичности в ее макрополитическом модусе важно различать проекты и идеи строительства «нации-государства» и «государства-нации». А. Миллер, опираясь на работы А. Степана и Х. Линц, показывает, что модель нации-государства (nation-state) ориентирована на приверженность одной культурной традиции и культурную ассимиляцию этнических меньшинств, в то время как модель государства-нации (state-nation) – на признание и поддержку культурного разнообразия и этнокультурных идентичностей [Миллер, 2016]. Модель государства-нации, которая более релевантна российскому политическому проекту, предполагает консенсус в отношении базовых ценностей, высокий уровень межэтнической толерантности и опору на единую «предельную» идентичность, которая в мирные времена обретает модус государственно-гражданской идентичности.

Исходя из традиции исследования ценностей в социологии, психологии, социально-культурной антропологии (К. Клакхон, В.С. Магун, Дж. Олпорт, М. Рокич, Т. Парсонс, П. Штомпка и др.), понятие «ценности» используется в статье в самом широком смысле как представления о «желаемом» и «важном», которые позволяют индивиду (и группе) действовать и достигать целей, исходя из собственных убеждений в «правильном», «нужном», «должном», «истинном». Ценности служат интеграции сообщества (Т. Парсонс). Как элементы самосознания они отражают субъективную значимость для человека тех или иных

явлений действительности, мотивируют к формированию собственной картины мира, к действиям, исходя из сложившихся предпочтений, обуславливают восприятие и интерпретацию текущих общественных, социальных процессов, определяют и формируют цели. Ценности, наравне с социальной идентичностью, представляют собой «поле смыслов», объединяющее объективные и субъективные элементы социальной реальности.

В исследовании ценностного аспекта российской идентичности мы отталкиваемся от социально-психологических и социологических подходов. Для Э. Эриксона динамика «психосоциальной» идентичности (как единство личностной и социальной идентичностей) теснейшим образом связана с текущими общественными трансформациями и идеологией [Эриксон, 1996]. Идентичность как результат отождествления с социальной группой/категорией (в нашем случае с «россиянами», «гражданами России») имеет когнитивный, эмоциональный (эмоционально-ценностный) и поведенческий компоненты. Ценностные компоненты идентичности включают в себя как представления, так и эмоции, и благодаря этому обретают большой мотивационный потенциал, функцию регуляторов поведения.

Мы исходим из того, что ценностные компоненты любой социальной макроидентичности (государственной, общенациональной, территориальной, региональной, этнической, цивилизационной и др.) в эмпирических исследованиях проявляют себя как ценностные установки (ориентиры), связанные с пониманием того, какие ценности и смыслы объединяют людей в данную общность, что является важным и значимым для нее в данный исторический момент.

В условиях, несущих опасность российской общности (нации), ценностные установки можно рассматривать как ценностные *опоры* российской идентичности. В этом контексте под ценностными опорами российской макрополитической идентичности мы понимаем установки в отношении актуальных в данный исторический период ценностей духовного, государственно-гражданского и общественного спектра, приобретающие актуальность в условиях внешних угроз и объединяющих россиян поверх существующих различий в единую общность (российскую политическую нацию). Ценностные опоры идентичности отражают актуальные и востребованные смыслы и убеждения, мотивирующие и обосновывающие принадлежность индивида к сообществу и оказывающие влияние на формирование текущих представлений о данном сообществе, его интересах и целях. В условиях социальных кризисов и угроз они поддерживают восприятие единства той общности, с которой человек себя идентифицирует.

Динамика российской идентичности. Исследования, предшествовавшие текущему периоду переосмысления основ общероссийской консолидации, фиксировали преимущественно *конструктивистский* по своему происхождению характер российской идентичности, которая формировалась, прежде всего, усилиями власти и элит в ответ на новый (постсоветский) статус страны [Дробужева, 2020].

Сегодня можно говорить о том, что российская идентичность наполняется смыслами и идеями стихийно, в условиях быстрых и радикальных исторических преобразований. СВО – это, безусловно, культурная травма для российского общества. Исследования показывают, что в феврале 2022 г. общество испытало глубокий шок. С началом СВО большинство россиян (70%) описывали переживаемую ими ситуацию как «кризисную» [Российское общество..., 2022:12]. В обществе наблюдалось состояние тревожности и «негативной неопределенности», рост негативных ожиданий. Сегодня, несмотря на потери, санкции и внешнее обесценивание, большинство россиян справляются с текущими сложностями и поддерживают вынужденный характер СВО. В общественных настроениях наблюдается положительная динамика, в мониторинговых замерах индекса удовлетворенности жизнью – рост положительных оценок³. Уже к концу 2023 г. «укрепляется

³ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024> (дата обращения: 01.05.2023).

Таблица 1

Уровень российской, этнической и политической идентичностей, 2018, 2020, 2024 гг. (данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Показатели российской, этнической и политической идентичностей	2018	2020	2024
<i>Ощущают общность, близость с гражданами России</i>			
Часто	29	16	18
Иногда	45	52	50
Общий уровень российской идентичности	74	68	68
Никогда	19	16	11
Затрудняюсь ответить	7	16	21
<i>Ощущают общность, близость с людьми своей национальности</i>			
Часто	23	34	34
Иногда	47	46	50
Общий уровень этнической идентичности	70	80	84
Никогда	21	10	5
Затрудняюсь ответить	9	10	11
<i>Ощущают общность, близость с людьми сходных политических взглядов</i>			
Часто	–	23	33
Иногда	–	42	41
Общий уровень политической идентичности	–	65	74
Никогда	–	17	9
Затрудняюсь ответить	–	18	17

уверенность, что страна идет в правильном направлении, усиливается поддержка власти» [Горшков, Тюрина, 202: 731].

К началу 2024 г. в обществе началась фаза позитивного изменения социального самочувствия: доля социальных пессимистов (считающих, что нынешний путь ведет страну в тупик) снизилась с 47% в 2020 г. до 26% в 2023 г. [Латов, 2023]. Опросы ВЦИОМ в 2024 г., показывают, что идет консолидация общества вокруг национальных государственных интересов⁴.

Быстрый выход общества из состояния негативной неопределенности и фрустрации в состояние позитивных ожиданий и вместе с тем в осознание реальной опасности текущего геополитического кризиса, запустили активный поиск ценностных и мотивационных основ общероссийской идентичности. Борьба за ее смыслы идет сегодня как на уровне политического дискурса, так и на уровне повседневных представлений. Эксперты (социологи, политологи, историки, этнологи, психологи и др.) знают, что смысловое содержание российской идентичности, как и мера ее распространенности, служат универсальными индикаторами характера и масштабов общероссийской консолидации.

В 2024 г. (в сравнении с 2020 г.) уровень *российской идентичности* (ощущение общности с гражданами России) остался на прежнем уровне – 68%. Одновременно значительно (на 9 п.п.) вырос уровень *политической идентичности* (ощущение общности с людьми сходных политических взглядов) – с 65 до 74%. Этому росту сопутствует также медленный, но стабильный рост *этнической идентичности* (ощущение общности с людьми своей национальности) – с 70% в 2018 г. до 80% в 2020 г. и 84% в 2024 г. (см. табл. 1). Уровень этнической солидарности составляет 81% (согласие с суждением «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности»), что говорит о росте русского самосознания

⁴ Официальный сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 22.05.2024).

(данные всероссийского опроса отражают преимущественно мнение этнического большинства) и значимости политического фактора в процессах общероссийской консолидации.

Российская идентичность как коллективная «Мы-концепция», вероятно, со временем обретет свою устойчивую структуру. В значительной степени это произойдет как результат общественного консенсуса относительно приоритетных смыслов, конституирующих российскую нацию. Качественные исследования ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН, проведенные до начала СВО (интервью, круглые столы, фокус-группы, групповые дискуссии с экспертами, преподавателями общественных и гуманитарных дисциплин, студентами), показали, что в качестве устойчивых структурных компонентов общероссийской идентичности выступают такие критерии, как «государство», «культура», «русский язык», «территория», «гражданская ответственность», «историческое прошлое», государственные символы.

В массовом самосознании находят отклик идеи защиты России от внешнего политического и культурного давления: в период 2020–2024 гг. претерпела изменение иерархия структурных компонентов российской идентичности. В сравнении с 2020 г. выросла значимость территориального (с 44 до 55%) и культурного (с 29 до 37%) компонентов. При этом значимость «общего государства» как ведущего идентификатора снизилась с 58 (в 2020 г.) до 48% (в 2024 г.) (см. табл. 2). Обращает внимание, что значимость важнейшего идентификатора – «ответственность за судьбу страны» осталась на прежнем невысоком уровне (22%). При этом социологи отмечают рост гражданской активности в виде экономических инициатив, связанных с помощью участникам СВО: сбор денежных средств, отправка в зону боевых действий вещей для военных и жителей воссоединившихся с РФ территорий [Андреев и др., 2024].

Исходя из сложившейся иерархии ведущих критериев («территория», «государство»), российская идентичность проявляет себя в 2024 г. преимущественно как *территориально-государственная* идентичность. Однако не все опрошенные чувствуют общность с Россией и россиянами – 33% ее не ощущают (11% «никогда не ощущают» и 21% затруднились с ответом) (см. табл. 1).

Политические нации как «социальные образования» теснейшим образом связаны с современным «территориальным государством» [Хобсбаум, 2017]. Под влиянием внешнеполитических факторов обозначился тренд развития российской идентичности в сторону осознания и защиты национальных интересов России и суверенности российского государства. Рост значимости «территории» в числе идентификаторов российской идентичности говорит о том, что, формируясь в противостоянии внешнему давлению, она обретает черты макрополитической идентичности. Чтобы определить ее содержательное

Таблица 2

Структурные компоненты российской идентичности, 2020, 2024 гг.
(данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Что больше всего объединяет вас со всеми гражданами Российской Федерации, со всеми россиянами?	2020	2024
Общее государство	58	48
Ответственность за судьбу страны	22	22
Историческое прошлое	32	34
Родная земля, территория, природа	44	55
Русский язык	43	43
Культура, обычаи, праздники	29	37
Общие символы (флаг, герб)	15	11
Ничего не объединяет	3	2
Затруднились ответить	2	3

Примечание. Предполагался выбор не более трех ответов.

наполнение, зададимся вопросом: *Какие ценностные установки (ориентиры) в массовом сознании выходят на первый план при формировании (и восприятии массовым сознанием) российского сообщества как политической нации?*

Ценностные ориентиры общероссийского единства. В ходе реализации проектов по изучению российской идентичности (2004–2020 гг.), осуществленных ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л.М. Дробизевой, фиксировалось, что понятие российской идентичности вошло в массовое сознание россиян, встроилось в политический, культурный, образовательный дискурс, но понятие это размыто. Был сделан вывод, что российская идентичность носит *поверхностный и диффузный* характер [Дробизева, 2020].

Сегодня смысловое содержание российской идентичности находится под влиянием текущих исторических событий. Ее ценностные ориентиры формируются властными и общественными дискурсами, «обрастают» разнообразными смыслами и мотивациями в ходе обсуждений в медиа и соцсетях.

Не претендуя на полный обзор ценностных оснований общероссийского единства, рассмотрим ключевые идеи, прозвучавшие во властном, доктринальном и общественном дискурсе в 2022–2024 гг.

Ведущей ценностью, вмещающей в себя как политические, так и социокультурные смыслы, стал *патриотизм*. Патриотами считает себя фактически все население России – 94%; в психологическом смысле под патриотизмом понимается позитивное эмоциональное отношение к своей стране, готовность ее защищать⁵. Но в политическом наполнении патриотизм крайне неоднороден. Вбирая в себя всю гамму политических мировоззрений россиян, в условиях возможных внутренних гражданских противоречий и социальной напряженности высокий уровень патриотизма может спровоцировать ожесточенную борьбу за право определять будущее страны.

Под влиянием внешнеполитических факторов обозначился тренд развития российской идентичности в сторону защиты национальных интересов России и *суверенности* российского государства. На Валдайском Форуме в 2023 г.⁶ президентом была озвучена мысль, что в условиях военно-политического давления со стороны НАТО нарастают угрозы «отъема» части суверенитета РФ, перед страной встают задачи защиты своего «цивилизационного выбора»⁷.

Принятая в марте 2023 г. обновленная Концепция внешней политики РФ⁸ на доктринальном уровне закрепляет «особое положение России» как «самобытного государства-цивилизации». В обновленной Стратегии национальной безопасности РФ⁹ (принята в июле 2021 г.) заявлен переход России к разработке и реализации *ценностно-ориентированной* государственной политики, к созданию «привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (ст. 19) и говорится об актуальности проблемы *морального лидерства*. В качестве долгосрочных стратегических целей выдвигается заявка на реализацию «оригинального российского проекта мироустройства» (ст. 19) [Белозеров, 2021: 19].

Государственный суверенитет РФ, согласно ведущим доктринальным документам, опирается на исторически сложившиеся в России *традиционные ценности*: защита последних в числе приоритетов Стратегии национальной безопасности РФ. Исследования,

⁵ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 22.05.2024).

⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 28.04.2024).

⁸ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 24.05.2024).

выполненные в русле юридической антропологии, свидетельствуют в пользу этого тезиса. В частности, отмечается, что в фундаменте российских образов «государства», «закона», «власти» значительный вес имеют традиционные ценности, «освященные духом и авторитетом предков», которые нередко имеют больший вес, чем рациональные, основанные на нормах официального права [Скоробогатов, 2015: 31]. В Указе Президента РФ (от 09.11.2022) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁰, который позиционируется как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности...» и суверенитета (выделено нами. – Прим. С.Р.). Закрепляется мысль, что христианство, ислам, буддизм и иудаизм как неотъемлемая часть российского духовного наследия внесли свой вклад в формировании духовных ценностей российской культуры. Православию в этом отводится особая (ведущая) роль. (Роль РПЦ в формировании макрополитического единства была продемонстрирована в телевизионной и интернет-трансляции благодарственного молебна по случаю инаугурации президента 7 мая 2024 г.)

Общность, скрепленная макрополитической идентичностью поверх любых (классовых, культурных, политических и прочих) размежеваний, требует крепких дополитических оснований социальной интеграции, социологическим индикатором которых выступают ценности доверия и солидарности. Исследование 2024 г. показывает рост подобных установок: уровень обобщенного доверия в России в период с 2020 по 2024 г. вырос на 10 п.п. – с 39 до 49%¹¹.

Представленные актуальные ценностные ориентиры общероссийской общности (наряду с другими, не рассмотренными нами) ложатся в фундамент формирующейся российской политической нации. На наш взгляд, классические определения политической нации как государственной общности, опирающейся на суверенитет, территорию, согражданство и общую культуру («перекрывающие» внутренние политические, этнокультурные, классовые, статусные, религиозные и прочие различия), следует дополнить аналитическими категориями, предложенными Б. Яком. Он показал, что становление политической нации происходит с опорой на «межпоколенческие связи» и «социальную» дружбу», а «апеллирование к учредительному суверенитету народа придает национальному сообществу политический резонанс, которого оно не имеет при других обстоятельствах» [Як, 2017: 488].

Ценностные опоры российской идентичности. Для исследования ценностных ориентиров был задан вопрос о том, что необходимо россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией. Идея этого вопроса заключается в его проективном характере. Проективные вопросы нацелены на то, чтобы получить более тонкую и нюансированную информацию об отношении респондента к тому или иному процессу/явлению. Мы формировали его исходя из психологического понимания ценности как ресурса, того, что ощущается *необходимым* для решения проблемы в условиях выбора и преодоления трудностей. Такой подход позволяет рассмотреть наиболее глубокие и устойчивые механизмы поддержания и сохранения российской общности, выходящие на передний план в условиях быстрых и радикальных общественных перемен.

¹⁰ Указ Президента РФ от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.06.2024).

¹¹ Уровень обобщенного доверия в опросах 2020 и 2024 гг. исследовался с помощью простой 4-балльной шкалы. Респондентам задавался вопрос «Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» с вариантами ответов: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять». Сумма ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять» показывает уровень обобщенного доверия в РФ.

Культурная травма как «состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями» [Штомпка, 2001: 8], в случае ее переживания и преодоления открывает для субъекта (в том числе коллективного) потенциал возрождения, обновления, развития. Исследование 2024 г. показало, что наиболее востребованные ценностные ориентиры макрополитического единства россиян – «вера в Россию» (42%), «общие моральные ценности» (38%), «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» (33%) (табл. 3). Эта «ценностная триада» российской макрополитической идентичности представляет собой соединение консервативных («общие моральные ценности») и классических либеральных («соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода») ценностных установок под эгидой мобилизующей идеи веры в Россию, и маркирует тренд формирования российской политической нации на основе аутентичных ценностных ориентиров.

Характерно, что классические либеральные ценности – гражданские права, законность и свобода (экономическая, политическая), занимают весомое (третье) место в иерархии ценностных опор российской идентичности. Обретенные россиянами после падения СССР, они «по умолчанию» остаются в приоритете, являются уже почти аутентичными, важными и неотъемлемыми завоеваниями новой России.

Ценностной паттерн веры в Россию обладает большим потенциалом консолидации, поскольку воплощает в себе патриотический, культурный, политический, религиозный, исторический дискурсы о России, отражая глубинные процессы формирования общероссийской

Таблица 3

Представления о том, что необходимо россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией, 2024 г.
(данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Ценностные опоры российской макрополитической идентичности	В целом в России	Меганополисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры, города не являющиеся районными	ПГТ	Село
Вера в Россию	42	45	40	39	34	45
Соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода	33	25	36	35	23	35
Понимание, какое будущее у России	28	25	29	28	24	29
Героический дух и военная мощь	28	31	27	26	25	31
Обновление государственно-политического устройства	14	11	15	16	20	10
Общие моральные ценности	38	37	37	42	38	37
Сильный и авторитетный лидер государства	24	24	26	22	19	25
Взаимопомощь, доверие, солидарность	28	20	30	32	24	25
Новые объединяющие идеи и смыслы	13	13	16	10	20	13
Ничего	1	0	1	2	2	1
Затруднились ответить	5	9	6	5	2	4

Примечание. Предполагался выбор не более трех ответов.

идентичности, в том числе в ее макрополитическом модусе. Широкий идейный формат, не исключающий сакральных коннотаций, потенциал гражданской мобилизации и принципиальная политическая неопределенность этого ценностного паттерна позволяет российской идентичности наполняться разнообразными смыслами, в том числе политико-гражданского свойства. Две другие опоры «ценностной триады» – «общие моральные ценности» и «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» выполняют, в таком контексте, функцию ценностно-мотивационных оснований российской идентичности.

Выводы. Исследование позволяет заключить, что в условиях внешних вызовов и угроз в России инициированы процессы формирования политической нации и соответствующей ей российской макрополитической идентичности. Исходя из сложившейся иерархии ведущих критериев, российская идентичность проявляет себя в 2024 г. преимущественно как *территориально-государственная* идентичность. Большинство россиян (77%) готово участвовать в нациестроительстве, поддерживая суждение «для меня самое главное – судьба русского народа». Растет уровень политической и этнической идентичностей. Но очевидна слабость гражданской компоненты российской идентичности. На первое место сегодня выходит потребность в духовном и моральном единстве. «Героический дух и военная мощь» – на четвертом месте в иерархии актуальных ценностных опор российской идентичности. Ценностная установка «вера в Россию» может стать основой гражданской религии: ее универсальный характер позволяет ей стать идейным источником общенациональной консолидации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104–119. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08.
- Белозеров В.К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021. № 2(843). С. 20–35. DOI: 10.52070/2500–347X_2021_2_843_20.
- Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739.
- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006 № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/pole-bitvy-strana-nation-building-i-nashi-nejshnbildery.html> (дата обращения: 24.04.2024).
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: ЕУ в СПб., 2016.
- Паин Э.А., Федюнин С.А. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 6. М.: Весь Мир, 2022.
- Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 4(5). С. 28–33. DOI: 10.17816/RJLS18073.
- Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135–142.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алтейя, 2017.
- Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: 1996.
- Як Б. Национализм и моральная психология М.: Ин-т Гайдара, 2017.

VALUE PILLARS OF RUSSIAN' IDENTITY UNDER CONDITIONS OF FOREIGN CHALLENGES

RYZHOVA S.V.

Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia

Svetlana V. RYZHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Center for Interethnic Relations Studies, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (Silica2@yandex.ru).

Abstract. Based on the data of the general sociological survey of the population of the Russian Federation population in February-March 2024, the value foundations of the all-Russian identity are being studied, which are gaining more and more weight in the context of foreign policy pressures and confrontation between Russia and the collective West. Conceptual basis of the study is theoretical approaches to the exploring identity, values and formation processes of a political nation. The study showed that under the influence of the current president's discourse and concepts enshrined in the leading strategic planning documents on sovereignty, traditional values and moral leadership, as well as thanks to the symbolic support from the Russian Orthodox Church, an all-Russian identity acquires the features of a macropolitical territorial-state identity. Hierarchically, leading values of the all-Russian macropolitical identity involve both conservative and classical liberal values: "faith in Russia" (42%), "common moral values" (38%), "respect for the rule of law and the rights of citizens, economic and political freedoms" (33%). The conclusion is made that the value of "faith in Russia" due to its wide content format, political uncertainty and reliance on the all-Russian cultural canon allows it to become an ideological source for nation's consolidation.

Keywords: all-Russian identity, macropolitical identity, values, political nation, nation's consolidation.

REFERENCES

- Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. (2024) Division and Consolidation in Russian Society Resulting from the Russian Special Military Operation. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 1: 104–119. DOI:10.17976/jpps/2024.01.08. (In Russ.)
- Belozеров V.K. (2021) The New National Security Strategy of the Russian Federation: From Gaining Meanings to Implementation. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. No. 2(843): 20–35. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_2_843_20. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Erickson E. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 23. No 4: 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. (In Russ.)
- Grinfeld L. (2008) *Nationalism. Five paths to modernity*. Moscow: PER SE. (In Russ.)
- Hobsbawm E.J. (2017) *Nations and nationalism since 1780*. St. Petersburg: Althea. (In Russ.)
- Kaspe I., Kaspe S. (2006) The battlefield is a country. Nation-building and our nationbuilders. *Neprikosnovennyi zapas* [Inviolable reserve]. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/pole-bitvy-strana-nation-building-i-nashi-nejshnbildery.html> (accessed 24.04.2024). (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2023) Dynamics of Mass Consciousness of Russians: Extraordinary Situation or Beginning of a New Cycle? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 161–179. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2015) *The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*. Moscow: Polit. encyklopediya. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2010) Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 90–105. (In Russ.)
- Miller A.I. (2016) *The Nation, or the Power of Myth*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Pain E.A., Fedyunin S.A. (2017) *Nation and democracy: Perspectives of cultural diversity management*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Russian Society and Challenges of the Time. Book six.* (2022) Book 6. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Shtompka P. (2001) Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. (2015) Russian Legal archetype: essence and contents. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies]. Vol. 2. No. 4(5): 28–33 DOI: 10.17816/RJLS18073 (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) The Russian people and national identity. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Politics]. Vol. 6. No. 4: 135–142. (In Russ.)

Received: 26.06.24. Final version: 19.08.24. Accepted: 27.08.24.